

О ПОДЛИННОЙ И МНИМОЙ ТАВТОЛОГИИ

Матвеева Н.Г.

Белорусский государственный медицинский университет,

Беларусь, Минск

В статье рассказывается о переходе тавтологических сочетаний в разряд сочетаний, допускаемых нормами современного словоупотребления, о закономерностях в развитии нормы.

Ключевые слова: тавтологические сочетания, процесс появления новых значений, информационная и экспрессивная функции языка, переоценка нормативных и стилистических качеств слова

ABOUT AUTHENTIC AND CURRENT TAVTOLOGY

Matveeva N.G.

Belarusian State Medical University,

Belarus, Minsk

The article describes the transition of tautological combinations into a category of combinations allowed by the norms of modern usage, about the patterns in the development of the norm.

Key words: tautological combinations, the process of appearance of new meanings, information and expressive functions of language, reassessment of normative and stylistic qualities of a word

Во многих пособиях и справочниках по культуре речи справедливо порицается употребление тавтологических сочетаний: *моя автобиография, коренной абориген, мемориальный памятник, мемориал памяти, сегодняшний день, первый пионер, смелый риск, броский эффект, маршрут движения* и т. п. В этих сочетаниях определение или зависимое слово повторяет признак, уже содержащийся в главном слове. Подобные выражения не соответствуют нормам литературного словоупотребления, их следует избегать в речевой практике. Только недосмотром можно объяснить появление в печати таких, например, тавтологических сочетаний: *главная суть, преднамеренная провокация, первое боевое крещение, сильнейшие асы* и т. п. Очень распространено в сочинениях учащихся и абитуриентов тавтологическое выражение *гуманность и человечность*, хотя само слово *гуманность* и означает 'человечность, любовь к людям.

Однако нередко случается так, что прежде тавтологические, избыточные словосочетания перестают быть таковыми. Происходит это или в результате забвения буквального, исходного смысла слов, или в связи с изменением их значений, или по другим причинам. Например, критике со стороны

пуристки настроенных ревнителей чистоты языка подвергалось выражение *монументальный памятник*. Действительно, если иметь в виду только прямое, исходное значение прилагательного *монументальный* ('относящийся к монументу; являющийся монументом; например *монументальное искусство*), то выражение *монументальный памятник* может быть оценено как избыточное, тавтологическое. Однако еще в XIX в. на базе прямого значения прилагательного развилось переносное; *монументальный* — «поражающий своими размерами, величием; грандиозный». Употребленное в этом значении (а на практике так чаще всего и бывает) прилагательное *монументальный* в соединении со словом *памятник* не создает тавтологии. Немало случаев, когда определение, на первый взгляд тавтологическое, в действительности уточняет, конкретизирует обозначаемое понятие. Словосочетания подобного типа (*реальная действительность, практический опыт, информационное сообщение* и др.) не являются избыточными и не противоречат нормам современного словоупотребления. Ср. у писателей: *Мастеровые вносили в конструкцию самолетов немало изменений, подсказанных практическим опытом* (Саянов. Небо и земля); *Эти люди накапливают громадный практический опыт* (Тендряков. Среди лесов).

Примером перехода тавтологического сочетания в разряд сочетаний, допускаемых нормами современного словоупотребления, может служить история выражения *свободная вакансия*. Первоначально слово *вакансия* (от франц. *vacance* — «свободное место») означало «свободная, незамещенная должность». Впоследствии оно стало употребляться и в значении «должность вообще». Ср., например: *Мои товарищи теперь еще ничто, а я на вакансии полкового командира* (Л. Толстой. Война и мир); *Скверно только быть дьяконом в плохом приходе, да еще на дьячковской вакансии, с шестью душами детей и с больной женой* (Потапенко. Шестеро). Это смещение значения, естественно, потребовало присоединения уточняющего определения. Выражение *свободная вакансия* стало употребляться выдающимися мастерами слова. Например: *Приятно было сознавать, что, предложив Временскому свободную вакансию, он поступил справедливо и по совести* (Чехов. Дамы); *Иногда знакомые, встречаясь... сообщают о свободных вакансиях на хороших судах* (Новиков-Прибой. Море зовет); *Должен вас предупредить, что свободных вакансий у нас нет* (Ильф и Петров. Светлая личность). Постепенное забвение первоначального значения слова *вакансия* привело к появлению устойчивого (и всем понятного) сочетания *свободная вакансия*, уже практически не воспринимаемого как тавтологическое. Примечательно, что фраза: *На медфаке нет ни одной свободной вакансии* — дается в качестве примера (т. е. нормативного речения!) еще в Словаре Ушакова. Все это приводит к выводу о том, что, хотя традиционное выражение *есть вакансия* является и более правильным с нормативной точки зрения, появившееся еще в XIX в. сочетание *свободная вакансия* сейчас уже вряд ли можно считать речевой ошибкой.

При нормативной оценке тавтологических сочетаний не следует упускать из виду, что многие из них служат стилистическим целям, являются одним из способов усиления признака,

целенаправленной характеристики предмета высказывания. Не случайно поэтому соединение синонимов и некоторые тавтологические сочетания имеют общую психологическую основу — задержку и концентрацию внимания на важном представлении путем повторения одних и тех же или родственных сигналов. «Мы, — замечал еще выдающийся русский ученый А. А. Потебня, — чтобы выразить лучше нашу мысль, нагромождаем слова, которые значат приблизительно одно и то же» (Из лекций по теории словесности. Харьков, 1894, с. 47). В устном народном творчестве, в классической и современной литературе встречается много сочетаний слов, которые в той или иной степени повторяют (усиливают) основной признак выражаемого понятия. Но ведь никто не станет браковать такие, например, широко употребительные выражения, как *истинная правда, всякая всячина, слыхом не слыхивать, сиднем сидеть, криком кричать, вокруг да около* и т.п., хотя они, в сущности, являются тавтологическими. Ср.: *Это правда, истинная правда!* (Лермонтов. Бэла); *Тебе от этой войны разор один. — А что, разве не разор? Истинная правда, — разноголосо загудели мужики* (Г. Марков. Строговы).

Очевидно, что нормализация словоупотребления, наиболее тесно связанного с материальной и духовной жизнью общества, представляет собой задачу особой трудности. Динамичный темп современной жизни делает непрерывным и все более убыстряющимся процесс рождения новых слов, появления новых значений (не случайно теперь планируется регулярный выпуск бюллетеней неологизмов). Думается, что в будущем следует ожидать еще более стремительного вхождения в литературный язык профессиональной лексики, значительного прироста рациональных аббревиатур и экономичных сложносоставных слов. В этом океане слов, где причудливо совмещается старое и новое, где соседствуют и переплетаются элементы разных стилей и жанров, где удачные, перспективные новообразования сосуществуют рядом с недолговечным словесным мусором, трудно плыть без надежного компаса. И конечно, лучшими путеводителями для учителя русского языка служат современные словари: толковые, фразеологические, синонимические, словари трудностей, словари паронимов и другие справочники нормативного характера.

В языке идет вечная борьба между его информационной и экспрессивной функциями, т. е. между стремлением к точности и недвусмысленности наименования и тягой к расширительному и нетривиальному применению слов. Понятие правильности словоупотребления не является постоянным и абстрактным свойством. Как уже указывалось выше, оно складывается из суммы признаков: распространенность и регулярная воспроизводимость данного значения слова, соответствие его общему психолингвистическому механизму семантического развития, созвучность традиционным и культурно-историческим факторам. При одобрении или осуждении какого-либо слова или словосочетания следует не упускать из виду того, что в области лексики с наибольшей силой проявляется воздействие речевой ситуации, именно здесь чаще всего происходит резкая переоценка нормативных и стилистических качеств слова в зависимости от условий конкретного контекста. На особом положении, разумеется, находится художественная литература, где

неожиданная метафоризация и нарочитая раскованность словоупотребления часто служит изобразительно-характеризующим целям.

Широкий доступ в общенародный обиход многих производственных и научных терминов, возникновение на их основе новых метафор и фразеологических выражений — свидетельство роста и обогащения русского литературного языка. Но любым богатством нужно пользоваться умело и нерасточительно. Утрата чувства соразмерности и сообразности при сочетании слов ведет к проявлению дурного вкуса и нарушениям лексических норм. Злоупотребление научной и профессиональной лексикой, броскими эффектными словосочетаниями не украшает и не упрощает нашу речь. Чем выше уровень общей культуры, тем меньше претензий на оригинальность. Простота и скромность — вот непреходящие черты истинно культурной речи.

Литература

1. Горбачевич, К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 2004.
2. Шанский, Н.М. В мире слов. М., 2001.
3. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1999.